

Фольклористика

УДК 398 (470.621)

ББК 82.3 (2=Ады)

К 88

Кук А.С.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, e-mail: asfar_52@mail.ru

Бгэжи в нартском эпосе адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается один из мифических существ героического эпоса адыгов «Нартхэр» - бгэж (орел). Показано, что в адыгском фольклоре орел имеет более положительную характеристику, чем в нартском эпосе, где он становится одним из грозных противников нартов. Отмечается, что функции данного мифического образа более «приземлены», хотя не лишены и мифологических атрибутов. Установлено, что в контексте этно-ментального мировидения, представления об эпических бгэжах имеют существенное значение в изучении мифологического образа орла всего адыгского фольклора.

Ключевые слова:

Мифология, мифический образ, нартский эпос, бгэжи, Ан-Ак, Шэуай, Дэхэнаго, бгэж Пако, Самгур, Бзыушко.

Kuyek A.S.

Candidate of Philology, Leading Researcher of the Adyghe Republican Research Institute of Humanities named after T. Kerashev, e-mail: asfar_52@mail.ru

Bghezh in the Nart epos of Adyghes

Abstract:

A study is made on bghezh (eagle), one of the mythical beings of the “Nartkher” heroic epos of Adyghes. The paper shows that the eagle has more positive characteristic in the Adyghe folklore in comparison to the Nart epos where it becomes one of formidable opponents of Narts. Functions of this mythical image are noted to be “more grounded”, though they are not deprived of mythological attributes as well. It is inferred that in the context of an ethno-mental worldview, ideas of epic bghezh are of essential value in studying a mythological image of an eagle in the Adyghe folklore.

Keywords:

Mythology, mythical image, Nart epos, bghezh, An-Ak, Sheuay, Dekhenago, bghezh Pako, Samgur, Bzyushkho.

Орел с его приверженностью к вертикали, является символом небесной, солнечной силы, огня и бессмертия. В мифологиях разных народов он выступает символом богов, иногда даже их посланцем.

«Орел в Древней Месопотамии был символом божества войны шумерской Нинурты (Нингирсу), в Древней Греции – Зевса, в Риме – Юпитера. У финнов, самодийских народностей, якутов, тунгусо-

маньчжурских народов и других народов Сибири культ орла был связан с представлением его в виде помощника или олицетворения шамана и культурного героя» [1: 258]. В городе Пальмира (Сирия) орел олицетворял собой бога Солнца. Ему приписывали способность омолаживаться, примечательно, что само солнце омолаживало его, это свидетельствовало о благословенном действии духовного сияния. Обычно стареющий орел взлетает к солнцу и, окунувшись в волшебном источнике три раза, обретает снова молодость и здоровье. Можно предположить, что волшебный источник на Солнце имеет те же свойства, что и живительная вода на горе Ошхэмаф (*Ioшъхэмаф*, каб. *Iuашхамахо*: Счастливая гора – Эльбрус). Кроме этого у нартов было золотое дерево, плоды которого омолаживали и укрепляли здоровье нартов.

Согласно сообщениям из античных источников, орел был атрибутом Юпитера и «...при погребении царя существовал обычай одновременно со сжиганием трупа выпускать орла, символизировавшего душу умершего, устремляющуюся к богам...» [2]

О наличии в адыгской мифологии и эпосе мифического образа орла в свое время писали Н. Дубровин, Ф.И. Кочетов, А.Т. Шортанов, А.М. Гадагатль, К.Н. Паранук и др. Бгэжи в адыгском фольклоре в целом характеризуются положительно, они часто помогают героям преодолевать большие расстояния, побеждать врагов. В нартском эпосе, где данный образ представлен довольно широко, чаще всего он выступает опасным и злым противником нартов. В этом его отличие от других аналогов адыгского фольклора.

Бгэж нередко похищает нартских девушек, чтобы вызвать на поединок героев, которые непременно отправляются на поиски похищенной девушки. Мотив вызова противника на поединок, и как следствие, пути разрешения возникающих противоречий между персонажами относятся к важным структурообразующим элементам кон-

фликтных ситуаций. Как верно отмечает адыгский мифолог А. Ципинов, в повествовательной ткани текстов вызовы противника на поединок «часто предстают в виде развернутых схем-ситуаций... Эпизоды, связанные с вызовом противника, затрагивают и поведенческий аспект персонажей, вскрывая один из существенных элементов образостроения» [3: 74].

Бгэж в нартском эпосе иногда выступает «главной птицей небес и грозой живущих на земле». Таковым является огромный орел, помощник Пако. «Тхьэшхо (Всевышний), Псэтхь (Бог души), даже злое божество Пако (покровитель атмосферных явлений), живут на вершине Ошхэмаф, поэтому нарты считали эту гору священной» [4: 43]. И орел тоже живет на Ошхэмафэ, это подчеркивает его высокий статус. Когда Пако, рассердившись на нартов, украл огонь и явил на землю засуху и голод, предводитель нартов Насрэн жач (*Насрэн жак1*) отправился к нему, чтобы вернуть людям огонь. Но тот за непослушание приковал его к горе и напустил на него своего орла, который «терзал его печень» [5, 4: 95]. Грозный бгэж был предводителем армии орлов Пако. У них, как и у главного орла, были железные клювы и крылья. Когда они, рассыпая искры, налетали на нартов, пытавшихся освободить Насрэна, «ветер от взмаха их крыльев нагнетал такой холод, что буран покрывал камни и траву, а взмах крыльев предводителя орлов превращал день в черную ночь, и все тонуло во мраке». Нарт Пэтэрэз стрелой пробил черное крыло бгэжа и солнечным лучом свет вновь вернулся на землю, герой «победил злого бога Пако... вернул предводителя нартов Насрэна и огонь очага» [6: 202]. Победив Пако и грозного орла, он вернул стране нартов тепло и свет, а значит и жизнь. Мотив победы нарта над орлом тем, что он сперва пробил черное крыло, а затем и отрубил крылья, которые принес нартам, похож на победу над священным орлом Анзу. «Мотив отла-

мывания крыльев у орла объединяет угаритский эпос с древнемесопотамским, где львиноголового священного орла Анзу (Анзуд) должны одолеть сражающиеся с ним боги» [1: 258].

Орел не только помогает Пако похитить огонь у нартов, но он выступает и в качестве определенного стража, который следит, чтобы никто из нартов не попал на священную гору Ошхамаф, где находилась живительная вода, способная не только оживлять, но и омолаживать. Огромен и страшен бгэж в нартском предании «История Дээнаго». Когда герой повествования Тымыс приблизился к горе, где жила красавица, «закрывая и затемняя весь мир, на него налетел огромный бгэж». Только поразив орла в битве с ним, герой смог добраться до красавицы [5: 4, 226].

Интересный образ грозного орла встречается в предании «Сын Канжа Шэуай и Шхащущэ дах». Здесь повествуется о том, как нарт Шэуай после долгих поисков своей невесты возвращался домой и путь ему преградил огромный орел Ан-Ак (*Ан-Акъ*). Он стоял на пути между людьми и красавицей Шхащущэ дах (*Шъхъащущуцлэ дах*). Звери и люди не могли бороться с ним, ни витью, ни зверю не пройти мимо его владений. Когда он поднимался в небо, ни одна птица не взлетала, звери прятались, люди скрывались. Ан-Ак жил на вершине огромного дерева на высокой неприступной горе, где находилось его гнездо, никто не мог забраться туда. В понятии народа огромный бгэж - титан, терроризирующий все живое на земле и в воздухе, должен был встретить достойного соперника. Поэтому против грозного орла выступил нарт Шэуай. В острой и бескомпромиссной борьбе победителем выходит народный герой [5: 5, 112-118].

Как правило, бгэж в героическом эпосе «Нартхэр» почти всегда выступает против нартов, лишь в одном предании «Как сын Мыгэзеша нарт Орзэмэс женился на Псэтын гуаш» мы встречаем огромного орла, оказавшего Орзэмэсу неоценимые услуги за то, что нарт спас его птен-

цов от змеи. Бгэж относит нарта вместе с его конем к Нэгучице (*Нэгъучлыц* – мифическая старуха, у которой был табун особых лошадей)) и подсказывает, как можно подойти к старухе. Данный мотив спасения птенцов имеет сходные черты с некоторыми сюжетами в мифологии индейцев Северной и Южной Америки. К. Леви-Строс называет мотив о разорителе гнезда основным мифом индейцев. Самыми опасными разрушителями гнезда орла и пожирателями птенцов здесь являются не змеи, а водные духи. Герой мифа убивает водное существо, поедавшее птенцов орла, за это Орел привел его к солнцу, и дети солнца вылечили его с помощью волшебного зеркала (герой еще мальчиком, играя, упал в огонь и обжег половину лица, и с горя ушел из дома), а подросшие спасенные им птенцы отвели его домой. В различных мифах народов Сибири, индейцев Америки за спасение птенцов в гнезде, «которое находится на вершине мирового дерева», герой получает от орла огонь. В ацтекском мифе символом мирового дерева является кактус [1: 258-259]. Итак, нарт Орзэмэс за спасение птенцов получает совет от орла, как попасть к старухе Нэгучице, попасти ее волшебных коней и за это получить волшебного коня, а герой индейской мифологии излечивается, или получает в благодарность огонь.

В одном предании, зарегистрированном нами в селе Ассоколай (Республика Адыгея), упоминается об огромной птице Бзыушхо («*Бзыу*») - птица, «*ихо*» - большой, огромный) как о создателе мира. Здесь повествуется о том, как провидец Усэрэж (*Усэрэжъ*), возвращаясь домой, встретил косарей. Они спросили его, что нового, доселе неизведанного узнал провидец. Тот ответил, что «... у восхода солнца живет неписаная красавица, у которой цвет кожи похож на белое оперение, а брови и волосы на черное оперение сороки. Такой же красивый парень живет у захода солнца. Они обязательно встретятся.

Услышав об этом, Бзыушхо, соз-

датель мира, решает проверить достоверность слов Усэрэжа. Птица украли девушку и отнесла ее на вершину неприступной горы. А юноша в поисках девушки подошел к горе, и по тени догадывается, что наверху находится девушка. По ее совету он прячется в дыре огромного камня, лежавшего у подножия горы. Затем девушка просит птицу поднять на вершину этот камень под предлогом, что может при желании в нем прятаться во время непогоды или солнцепека. Бзыушко выполнила это желание. Так встретились юноша и девушка. В конце года птица решила отнести девушку домой и известить людей о том, что Усэрэж был не прав. Когда Бзыушко поведала пленнице о своих намерениях, девушка пошла на хитрость. Она сказала: «Ты меня понесешь, но не донесешь. Ветер погубит меня, поэтому лучше отнеси меня прямо в камень». Так поступила птица. Когда она приземлилась перед косарями и сказала, что Усэрэж был не прав в своих предсказаниях, из камня вышли юноша и девушка. Тогда Бзыушко признала свое поражение» [7].

Что это за Бзыушко и почему она создатель мира, предание ничего не поясняет. Однако образ огромной птицы нам напоминает мифического орла Самгура (*Самгур*). По замечанию Ф. И. Кочетова «Самгур олицетворяет собой прошлое и будущее человечества. Одним глазом он видит прошлое, другим будущее. Синий огромный Самгур живет тысячелетиями» [8: 77]. Предания об этой мифической птице «навеяны мотивом умирающей и воскресающей природы» [9: 166]. Учитывая, что «типологически наиболее ранний этап культа орла отражен в тех мифологиях, где орел выступает в качестве самостоятельного персонажа (первоначально, вероятно, тотемического происхождения)» [1: 258], можно предположить, что титан Самгур был обожествлен в качестве особого предмета культа предками адыгов еще в глубокой древности.

Мотив титана Самгура – видеть

все прошлое и будущее – роднит его образ с Прометеем-провидцем. Видимо, Самгур был Тхэ (*Тхэ* – Тхэ), Тха - Бог птиц. Место его обитания - священная гора Ошхэмаф. О существовании поверия в Тхэ птиц и его местопребывании свидетельствует одно сказание: «На Ошхамахо обитает Тха птиц пернатых, - повествуется в нем, - некогда он повелевал верными ему джинами. Ведомо тому Тха все, что случится впереди. Стал Тха птиц врагом Тха великого, и вот не оставит без мести - оплаты врага. Знает Тха птиц, что найдет на него Тха великий светловолосых иныжей... и иныжи покорят владения - высоты горные, скалы серые. Не хочет Тха сдаваться без боя. Зовет он к себе из преисподней своих джинов, чтобы они стали против иныжей, которые должны прийти со степей и низин, с северной стороны. Но не вырваться джинам из глубин подземных, куда их поверг Тха великий.

Встает Тха птиц с ледяного седалища своего и, расправив крылья, летит над снегами, над пропастями. Взмахнет он могучим крылом - сотрясается земля, занюют бурные ветры, всколышет море. Не идут на зов Тха птиц ранее послушные ему джины. И стонет, и воеет, и плачет Тха птиц. И только слышат на земле этот стон - вой, умолкнут в испуге все птицы, поникнут увядшие цветы, туманы поползут по ущельям, черные тучи покроют небо, засверкают молнии и загремит гром, от которого сотрясаются скалы. Тогда Тха великий посылает верных ему джинов, и они разгоняют тучи, небо становится голубым, солнце сверкает, снег на Ошхамахо блестит, цветы оживают. Джины поют, уговаривая песней Тха птиц смириться перед силою - властью Тха великого. Но Тха птиц не желает слушать эти песни смирения, грозно и сурово глядит на степи и низины, ожидая нашествия иныжей... он кличет из глубин подземных своих джинов. Но не вырваться джинам из глубин подземных.

Всякий раз, как уходил один год и приходил другой, новый, у кабардинцев (один из субэтнотипов черкесов – Авт.) было

в обычае праздновать день Тха птиц и приносить ему жертвы: стрелы, кинжалы, ножи – необходимое оружие для Тха птиц. Празднующий этот день верил, что целый год не возьмет его ни шашка, ни пуля. На Ошхамачо подняться нельзя, оттого жертвы Тха птиц приносили внизу, у Жулата» [10: 92-93].

Как справедливо отмечает адыгский мифолог А.Т. Шортанов, «для нас важно упоминание о том, что адыги приносили жертвы мятежному божеству – других аналогичных материалов мы не имеем. Само же сказание интересно еще и тем, что повторяет греческую версию о прилете океанид и самого вешего старца Океана к Прометею, с целью уговорить титана покориться власти Зевса» [11: 138-139].

В адыгском фольклоре есть и другое сказание, где упоминается могучий «властелин заоблачных владений». Когда он летал, то «от ударов его крыльев тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и страшным ревом своих волн будило дремлющих в его пучинах духов... Иногда со снежной вершины, где был трон царя (властелин заоблачных владений был могучим старцем – духом гор – Авт.), раздавались плач и стоны, тогда умолкало пение птиц, увядали цветы, вздымались и ревели потоки, вершины гор одевались туманом, тряслись и стонали скалы, гремел гром, все покрывалось мраком... Порой неслись гармонические звуки и пение блаженных духов, витавших над тронном грозного владыки гор, желавших пробудить в нем раскаяние и покорность воле великого Тха: в это время облака быстро исчезали с лазурного неба; снеговые вершины сверкали, как алмаз, ручьи тихо журчали, цветы благоухали, повсюду водворялся мир, тишина, но грозный старик не внимал зову небес, угрюмо глядел в будущее...» [12: 45].

Прекрасный знаток фольклора адыгов аула Хабеза (Карачаево-Черкессия) С.

Мисроков отмечал, что у адыгов существовало интересное поверие, связанное с орлом. Они считали, что если в поле на тебя падает тень орла, то в том месте можно найти хорошо сработанный прочный клинок.

У адыгов танец мужчины подразумевает прямую осанку с раскинутыми в обе стороны руками, что вместе с характером движений мужчины уподобляет его орлу. Считается, что национальный танец «исламей» был рожден в качестве имитаций движений орла и орлицы, парящих в воздухе. По Г. Гачеву танцы являются одним из выразительных элементов культуры, свидетельствующих о характере национального космоса, и в этом плане адыгские танцы имеют ряд характерных особенностей, которые подчеркивают самобытность народа, создавшего их.

В заключение следует отметить, что мифологический образ бгэжа в героическом эпосе представлен грозным и опасным противником нартов. В этом его отличие от других фольклорных материалов. Бгэж похищает людей, чаще всего с целью вызвать на поединок того, кто отправится на поиски пропавшего человека. Орел в нартском эпосе помогает злему божеству Пако в похищении огня из очага нартов, он же является стражем волшебной живой воды на священной горе Ошхамач, терзает прикованного к горе Насрэн жач. Герой Пэтэрэз освобождает нартского предводителя и возвращает нартам огонь. В адыгской мифологии орел воспринимается как создатель мира, он титан и противостоит даже Великому Тхэ. В честь Тха птиц адыги устраивали праздники и делали ему подношения. Считалось, что человек, который принял участие в подобных мероприятиях, становился неуязвимым в течение года, его не брала ни шашака, ни стрела. Мотивы, связанные с адыгским бгэжэм, имеют параллели в мифах других народов.

Примечания:

1. Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992.
2. Книга Символов. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article>.

3. Ципинов А.А. Мифологическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 177 с.
4. Кук А.С. Отражение культа горы и камня в адыгской мифологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1 (96). С. 42-47.
5. Нартхэр = Нарты: Адыгэ эпос / Зэфэзыхьысыжьыхи зэхэзгъэуцуагъэхэр, ублэллэ очеркымрэ комментариехэмрэ зытхыгъэр А. Хьэдэггэллэ. Мыекьуапэ, Краснодар крайисполкомым хэутынымклэ и Гьэлорышлаллэ и Адыгэ хэку типографие. Т. 1-УП. Т. 1. 1968. н. 320; Т. 2. 1969. н. 354; Т. 3. 1970. н. 354; Т. 4. 1970. н. 309; Т. 5. 1970. н. 336; Т. 6. 1971. н. 322; Т. 7. 1971. н. 428. Далее: номер сноски, том, страница.
6. Кук А.С. Мифологический образ испа в нартском эпосе адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Вып. 1 (134). С. 199-205.
7. Из личного архива автора. Полевые записи 5. 10. 1985 г. Информатор А. Гедыуадже, 59 лет, Асоколай.
8. Кочетов Ф.И. Великан кавказских гор в народных преданиях // Живописная Россия. 1901. № 77-80.
9. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1967. 442 с.
10. Кабардинский фольклор / под общ. ред. Г.И. Бройдо; вступ. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпы. М.: Академия, 1936.
11. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.
12. Дубровин Н. Черкесы /адыге/. Краснодар: Издание общества изучения Адыгейской Автономной Области, 1927. 117 с.

References:

1. Myths of folks of the world. V. 2. M.: Sov. encyclopedia, 1992.
2. The Book of Symbols. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article>.
3. Tsipinov A.A. Mythological and epic tradition of Adyghe. Nalchik: El-Fa, 2004. 177 pp.
4. Kuyok A.S. Reflection of the cult of mountain and stone in the Adyghe mythology // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 1 (96). P. 42-47.
5. Нартхэр = The Narts: Адыгэ эпос / Зэфэзыхьысыжьыхи зэхэзгъэуцуагъэхэр, ублэллэ очеркымрэ комментариехэмрэ зытхыгъэр А. Хьэдэггэллэ. Мыекьуапэ, Краснодар крайисполкомым хэутынымклэ и Гьэлорышлаллэ и Адыгэ хэку типографие. V. 1-UP. V. 1. 1968. n. 320; V. 2. 1969. n. 354; V. 3. 1970. n. 354; V. 4. 1970. n. 309; V. 5. 1970. n. 336; V. 6. 1971. n. 322; V. 7. 1971. n. 428. Further: a footnote number, volume, page.
6. Kuyok A.S. Mythological image of an isp in the Narts' epos of Adyghe // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2014. Iss. 1 (134). P. 199-205.
7. From author's private archives. Field records 5. 10. 1985. The informant is A. Gedyuadzhe, 59 years old, Assokolay.
8. Kochetov F.I. The giant of the Caucasus Mountains in national legends // Picturesque Russia. 1901. No. 77-80.
9. Gadagatl A.M. Heroic epos «The Narts» and its genesis. Krasnodar: Krasnodar publishing house, 1967. 442 pp.
10. The Kabardian folklore / general ed. by G.I. Broydo; intr. art., comment. and vocabulary by M.E. Talpy. M.: Academia, 1936.
11. Shortanov A.T. The Adyghe mythology. Nalchik: Elbrus, 1982. 194 pp.
12. Dubrovin N. The Circassians / The Adyghe/. Krasnodar: The edition of the society of the Adyghe Autonomous Region study, 1927. 117 pp.